
НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

УДК 1:572:008

САМОСОЗНАНИЕ. ТЕРРОР. РЕВОЛЮЦИЯ

С. Н. Борисов¹⁾
О. С. Борисова²⁾

*¹⁾Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
SBorISOV@bsu.edu.ru*

*²⁾Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
Borisova@bsu.edu.ru*

В статье рассматривается проблема соотношения самосознания, революции и террора. Сквозь призму понятийного аппарата Ж.-Л. Нанси указанные феномены определяются в пространстве понятий сообщество, единичность, множество.

Ключевые слова: сообщество, самосознание, террор, революция.

Свою задачу мы определяем внешним образом как выяснение соотношений понятий самосознание, террор и революция, что находит выражение в названии статьи. Она же (эта задача) скрывает за собой определение той роли, которую могут играть террор и революция в формировании самосознания. Для решения означенного остановимся на трех ключевых понятиях: самосознание, террор и революция.

Самосознание

Исходным в нашем анализе самосознания будет апелляция к словарному определению, которое фиксирует за самосознанием переживание единства, самости, отдельности, автономности «Я», которое наделено мыслями, чувствами, желаниями, активностью. Складывается самосознание из процессов самопознания, самоидентификации и самоопределения.

Как определять того или то, что подлежит процедуре автономизации и самоограничения: индивид, субъект, «Я» или сознание? Исходя из определения не вполне ясно, но четко выражен именно аспект «процедурности», некоей операции по нанесению границы между существующей единичностью и противостоящим (такими же единичностями?). Важен момент констатации самости и наличия единичности (что находит выражение в процессах самопознания – констатация единичности для себя), из чего можно сделать заключение о такой необходимости, порожденной обратным, то есть изначальной слитостью, неразделенностью или же (крайняя позиция) отсутствием единичностей.

Самосознание, тем самым, несет вполне определенную функцию, констатации несамодостаточности единичности, которая должна стать такой лишь осуществив определенную процедуру (самосознания). Однако то, что ранее мы обозначали как единичное, стоит именовать более конкретно, и раз речь идет о самосознании, то некий минимум названности мы определим как человек. Именно человек должен стать единичностью посредством процедуры само-осознания. Не забывая, что такая диспозиция есть условно нами принятое как исходное, мы не отказываем себе в попытке усомниться в ней. Тезис о несамодостаточности единичности должен быть подвергнут сомнению уже с позиции непосредственного опыта, убеждающего нас посредством телесности в наличии единичности, в явном существовании той границы между самостью в пределах конкретного тела и иным, как бы оно не определялось.

Самоочевидность самости или единичности разрушает предложенное исходное определение самосознания, вынуждающего искать автономности единичности от множества, и позволяет нам предложить другое: *самосознание есть способ связи единичности с множеством*. Такое определение самосознания противоположно исходному, поскольку не нужно доказывать самость; возникает иная проблема, связи единичности и множества. Самосознание в этом смысле есть действительно процедура, как действие применимое ко многим, стандартизированная операция, некий «конвейер» или механизм подведения/приведения единичности под множественность.

Прежде чем мы попытаемся раскрыть характер указанной связи (единичности и множества), стоит остановиться на самой ее возможности, ведь автономная и самодостаточная единичность может в ней и не нуждаться. Тот же вопрос, сформулированный иначе, ставит проблему оснований совместного бытия людей, сути общества. В качестве таковой (основы совместного бытия) признавалось производство благ, экономические отношения, политическая воля, приводящие к «коллективному телу». Все эти теоретические конструкции основывались на идее несамодостаточности человека, неспособности обеспечить себя или же выразить свою волю. Так или иначе, представив себе противоположное, мы должны искать другие основания множественности людей. Об этом пишет Жан-Люк Нанси, говоря о существовании сообщества: «впрочем, мир и не создан из простых атомов. Необходимы еще и отклонения (clinamen). Существуют наклонения или склонения друг в сторону друга, друг из-за друга или друг к другу. Сообщество, по крайней мере, – это отклонение «индивида»¹. Эти отклонения и склонения атомарных индивидов не есть нечто случайное или нарушающее принцип самодостаточности. Атомарный абсолютизм, утверждающий единичность, в самой своей логике содержит противоречие, заявляющее о том, что не может быть абсолютной единичности существующей наряду с другими абсолютными единичностями: «...нельзя создать связей ни между двумя или множеством абсолютов, ни абсолют из этих связей. Абсолютность абсолюта разрушается. Эта связь (или сообщество), когда она существует, представляет собой нечто, что в принципе разрушает автаркию имманентности в ее закрытости или пределе»². То есть абсолютизация абсолюта невозможна, единичность и полная автономность человека исключается необходимостью сообщества. Также следует отметить, что сама возможность «абсолютности абсолюта» или «завершения имманентности» содержит угрозу поглощения единичности множеством, что также недостижимо, хотя и не исключает движения в этом направлении.

Единичность, субъект, если можно в данном случае его так идентифицировать, как бы совершает колебательные движения в пространстве бытия или находится между двумя полюсами: абсолютной единичностью и абсолютной множественностью, – которые, впрочем, сливаются в единый и недостижимый горизонт имманентности³. Такая весьма условная и несколько странная визуализация человека как

¹ Нанси Ж.-Л. Непроизводимое сообщество М., 2009. – С. 27.

² Там же. – С. 28.

³ Имманентность здесь следует понимать, скорее не как внутреннее стремление или некую предзаданность, а как подразумеваемое status quo, присущее изначально.

единичности, по Нанси, позволяет провести параллели с образом «субъектом поверхности» у Делеза.

«Субъект поверхности» или же это субъект, располагающийся на «поверхности» – это позиция единичности над планом имманентности. Так же как и имманентность, «поверхность» как бы упраздняет дуальность, отменяет ее и делает не существующей. Но на самом деле это не так. Дуальность, оппозициональность существования сохраняется, но функционирует иначе, говоря словами Делеза «глубина» сменяется «поверхностью». Поверхность сохраняет дуализм, как имманентность соединяет, или точнее стремится к соединению единичности и множества, их взаимному растворению.

У Делеза такой «странный» субъект выполняет функцию разграничения между дуальностями, у Нанси единичность отстаивает свою от-граниченность от множества и сопричастность ему же. Возможность сообщества (Нанси) кроется именно в этой «странности», незавершенности, оборачивающейся совершенством: «это символическая значимость нуля, то есть, знака, которым помечена необходимость символического содержания, дополнительного к тому содержанию, что уже наполняет означаемое, но которое при том может принять какое угодно значение, лишь бы последнее находилось в доступном резерве... это буквально пустая клетка, постоянно перемещающееся место без пассажира...»⁴. Эта «пустота/наполненность» есть условие коммуникации сингулярностей (единичностей), или сообщество, о котором говорил Нанси.

Возвращаясь к проблеме самосознания, которое как мы определили, сводится к стремлению к множеству, стоит указать, что реальность противится сообществу и предпочитает ему обществу. Указанная нами логика движения индивида, находящегося между единичностью и множеством, должна быть дополнена постоянной возможностью (пусть по Нанси и недостижимой) имманентности, к которой, несколько утрируя, мы можем приблизить самосознание.

Остановимся на том, чем является имманентность. По сути, она представляет собой упразднение единичности, коммуникации и сообщества (по Нанси) или же «глубину» поверхности (по Делезу). Но помимо этого, она (имманентность) отождествима со смертью: «в смерти, если расценивать ее как реализацию имманентности (декомпозиции, возвращающей к природе: «все идет под землю и приходит в движение» или же райских версий того же самого «движения») и предать забвению ее неизменную единичность, больше нет сообщества или коммуникации – есть только непрерывная идентичность атомов. Поэтому политические или коллективные предприятия с доминированием желания абсолютной имманентности в качестве истины содержат истину смерти. Соединяющий синтез не содержит иной логики, нежели логика самоубийства сообщества, сообразующаяся с имманентностью»⁵. Мы пришли к обоснованию наличия некой связи между самосознанием, которое есть стремление к множеству, имманентностью заключающейся в поглощении множеством единичности, и смертью/самоубийством как итогом или реализацией имманенции.

Террор

В культурно-идеологической практике понятие «террор» и «терроризм» в современном значении стали употребляться в период Французской революции 1791-1794 гг. Современная семиотика и лексикология связывает с террористическим дискурсом прежде всего жестокие насильственные действия в сфере политики и реализации прав субъектами власти.

В частности, террор как отношение государства к своим оппонентам, репрессивное и жесткое, исследуется отечественным политологом И.М. Ильинским. А. Бернгард в работе «Стратегия терроризма» указывает на связь терроризма с силой, но понимает его как применение силы слабыми в отношении сильных. Американские исследователи В. Маллисон и С. Маллисон определяют терроризм как систематическое

⁴ Делёз Ж. Логика смысла М., Екатеринбург, 1998. – С. 76.

⁵ Нанси Ж.-Л. Непроизводимое сообщество М., 2009. – С. 40.

использование насилия и угрозы насилия для достижения политических целей. Схожее определение терроризма дает сотрудник Государственного департамента США Д. Лонг, который сводит феномен терроризма к действиям по изменению существующего политического строя, существующего мирового порядка. Ф. Уилкоккс, координатор по борьбе с терроризмом Госдепартамента США, видит в терроризме политически обусловленное насилие, направленное против мирного населения.

Общим для всех перечисленных определений является взгляд на терроризм как на политически, социально обусловленное насилие. Хотя применение понятия «террор» исключительно к политической сфере значительно суживает реальное поле феномена терроризма, акцентирует внимание на политической власти, имеющей аппарат принуждения, и относит «террор» к оппозиционным властям.

Нередко отождествление терроризма с таким явлением как война, партизанская война или гражданская. Ряд авторов, М. Либиг, Ф. А. Фрайхер фон дер Хейдте, П. А. Шерер, Д. Стерлинг, Л. Ларуш, говорят о терроризме как особой форме войны, не выделяя его как самостоятельный феномен. М. Либиг не отрицает социально-экономическую, национальную, этническую и идеологическую обусловленность терроризма, однако истинные причины, по его мнению, кроются в политической заинтересованности государств в таком эффективном средстве реализации своих интересов как терроризм. Фон дер Хейдте определяет терроризм как современную нерегулярную малую войну, которая характеризуется нерегулярными боевыми действиями, длительностью, специфическими «террористическими» тактиками. Необходимо отметить общую основу для сопоставления войны и терроризма – *насилие*. Подчас схожи цели и методы войны и терроризма, особенно при сопоставлении политического террора и войны в ее классическом понимании.

Все вышеперечисленные смыслы террора и терроризма, так или иначе, возводят проблему на уровень взаимодействия государства и его политических оппонентов, тем самым не рассматривается ни религиозная природа терроризма, ни его глобализационная специфика в эпоху постмодерна, которая характеризуется «метегосударственностью» и не всегда обусловлена политической борьбой. Остается в стороне и непосредственное отличие терроризма от других форм насилия. Под непосредственностью мы понимаем тот эффект, который терроризм оказывает на общество. За определением терроризма как нелегитимного насилия, насилия оппозиционного законной власти кроется, на наш взгляд, некий неявный смысл, указывающий на отождествление законной власти и самого общества с одной стороны, и «исключенными» (террористами), с другой.

События 11 сентября 2001 года, равно как и события связанные с русским терроризмом XIX века и многими другими проявлениями терроризма свидетельствуют в пользу этой идеи. Ничто не оказывает столь мощного фасцинирующего действия на человека как террористическая угроза. Можно сказать, что террор отторгает единичность в пользу более комфортного множества. В этой перспективе несколько иначе выглядит наша ранняя попытка выявления мифо-архетипической и культурно-антропологической природы современных и постсовременных форм терроризма, характеризующихся «метегосударственностью» и «цивилизационной метафизичностью», обусловленными не столько политической борьбой, сколько сакрально-культурными кризисами и ментально-антропологическими переворотами последних столетий⁶.

Тем не менее, в ракурсе данной работы важно то, что, не углубляясь в суть феномена терроризма, мы можем говорить о его бесспорном эффекте, заключающемся в фасцинации, под которой мы понимаем связывание, собирание в единое «тело» единичностей. Эта тенденция объединения есть выражение стремления к тотальной множественности, которое не только недостижимо, но также таит в себе угрозу смерти, поглощения единичности. Здесь террор, понимаемый как эффект, смыкается с темой самосознания. Тотальность множественности стягивает к себе и то и другое сходящееся в «точке» смерти.

⁶ См. Борисов С.Н. Философско-культурологический анализ феномена терроризма в мире традиционализма и современности: монография. – Белгород, 2007.

Тем самым сутью самосознания, равно как и эффектом террора оказывается внутреннее стремление к тотальной множественности, а также смерти\убийству или самоубийству как следствию. Если попытаться выстроить некую схему из этих элементов (самосознание, множественность – единичность, терроризм), то выйдет следующее: самосознание реализуется в колебательном движении от единичности к множественности, а террор выступает внешним фактором, который интенсифицирует этот процесс в пользу множественности. Если же учесть «подтекст» множества – смерть как таковую, то террор, создавая «пустоту» посредством уничтожения\смерти, приводит к фaszинации и росту самосознания. Рост в данном случае следует понимать как поглощение единичности множественностью или идеей множественности. Чтобы различать этот смысл с более традиционным (самосознание как позитивное), можно говорить о «тотальном» самосознании (как аналогия с тотальной множественностью Нанси).

Революция

Возможно, что последний наш тезис о росте самосознания прозвучал несколько не обоснованно, однако в этой части мы постараемся его обосновать. Так конец XIX века в России дает нам массу примеров выстроенных нами схем. Среди них то, что именно *новым человеком, новым революционером* позиционирует себя русский революционер-террорист 1894-1917 годов. Принимая это утверждение, мы должны выявить основания, на которых оно основывается, или иначе, исследовать то, что позволяло революционерам так себя называть и чувствовать.

Минимумом такой обоснованности будет ощущение разрыва некоторых индивидов и остального общества, о чем мы можем прочесть в революционном «манифесте» – «Катехизис революционера» Сергея Нечаева. Новый человек «нечаевского разлива» обладал строго определенными качествами, в которых мы можем четко рассмотреть как стремление к смерти (убийству), так и тотальность, касающуюся самосознания и множественности: «Революционер – человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все в нем поглощено единственным исключительным интересом, единою мыслью, единою страстью – революцией...»⁷.

Стремление к уничтожению общества путем революции, мы рассматриваем как стремление к некоей иной множественности, отличающейся от существующей. Если же рассматривать множественность в ее «сильном» варианте, как тотальность, отсутствие единичности и ее полное растворение, то новый человек активно созидает множественность, отвергая сообщество и единичность.

Первый «успешный» террористический акт, «дело студента Иванова», совершенный революционной организацией «Народная расправа» в ноябре 1869 г. под предводительством Сергея Нечаева, обрел широкий резонанс в обществе как раз благодаря публикации «Катехизиса революционера». Ни общество, ни даже русская революционная эмиграция не приняли Нечаева и его идей. Новому человеку было отказано не только в праве на существование. Произошло то, что мы назвали ранее фaszинацией. В обществе начинается процесс сбирания единичностей в пользу множества (которое в данном случае объединило даже революционеров).

Можно сказать, что революционер, провозгласивший своей целью коренное преобразование общества и обличающий его порочность, оказался слишком далек от общества, в столь радикальном, как у Нечаева, виде он оказался невостребованным. Однако реакция общества состояла именно в фaszинации, в данном случае соединении против «исключенных» (террористов). Это можно назвать первым этапом процесса. Логика фaszинации диктует стремление к тотальной множественности и самосознанию. Такая тотальность находит выражение и в том, что общество стремится понять

⁷ История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов-на-Дону, 1996. – С. 43-54.

террористов, заново включить их в свой круг, возможно даже оправдать. Наиболее ярким примером может служить дело В. Засулич, когда российское общество само оправдало того же «нового» человека, революционера-террориста.

После этого поистине знакового, события мученик-революционер стал наиболее активной фигурой на политическом поле России. За 1879 г., следующий после суда над В.И. Засулич, по той же схеме был совершен целый ряд терактов, направленных на государственных служащих: киевского прокурора М.М. Котляревского, главу киевской жандармерии Г.А. Гейкинг, начальника Третьего отделения генерала Н.В. Мезенцева, харьковского генерал-губернатора князя Д.Н. Кропоткина. Углубление кризиса российского общества в начале XX в. еще более усиливает революционера. Губительная для престижа российского правительства русско-японская война 1904-1905 годов привела к революции. Несмотря на установление конституционного строя, после опубликования Манифеста 17 октября 1905 года террор только нарастал. Так за 1905 год было убито и ранено 3611 государственных чиновников. К концу 1907 года это число достигло 4500. Общее же число жертв терактов за 1905-1907 года составило более 9000 человек⁸.

Причина нарастания террора кроется не только в утрате властью легитимности, и неспособности локализовать насилие. Террор создавал некую пустоту, вокруг которой происходило сцепление и смешение единичностей обреченных на убийство самой множественностью. И в данном случае совершенно не важно кто займет какую сторону, исключая (легитимная власть) или исключенных (террористы). Номинирование террора не затрагивает сути, заключающейся в том, что стремление к множеству порождает убийство или самоубийство. Растворение единичности в пользу тотального самосознания ведет к террору. Станным образом цели террора и общества, подвергшегося террористической угрозе, совпадают в стремлении к множеству.

Список литературы

1. Нанси Ж.-Л. Непроизводимое сообщество М., 2009.
2. Делёз Ж. Логика смысла М., Екатеринбург, 1998.
3. Борисов С.Н. Философско-культурологический анализ феномена терроризма в мире традиционализма и современности: монография. Белгород., 2007.
4. История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов-на-Дону, 1996.
5. Гейфман А. Революционный террор в России, 1894-1917/ Пер. с англ. Е. Дорман. М., 1997.

SELF-CONSCIOUSNESS. TERROR. REVOLUTION

S. N. Borisov¹⁾
O. S. Borisova²⁾

¹⁾ *Belgorod State University*

e-mail:
SBorisov@bsu.edu.ru

²⁾ *Belgorod State University*

e-mail:
Borisova@bsu.edu.ru

The article discusses the issues of interrelations between self-consciousness, terror and revolution. In terms of the J.-L. Nancy's notional corpus, these phenomena are defined in the field of notions "community", "singularity", "plurality".

Key words: community, self-consciousness, terror, revolution.

⁸ Гейфман А. Революционный террор в России, 1894-1917/ Пер. с англ. Е. Дорман. М., 1997. – С. 31.